

А. Ю. Майничева, Д. С. Рыговский

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

danielrygovsky@mail.ru

ПОЧИТАЕМЫЕ МЕСТА БЕЛОКРИНИЦКИХ СТАРОВЕРОВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ *

Современное белокриницкое согласие на территории Западной Сибири представлено небольшим числом староверческих общин, которые активно реализуют различные практики по сохранению и воспроизводству своих традиций. Одной из таких практик стало формирование сети почитаемых мест. Последние представлены храмами и поклонными крестами, которыми отмечены памятные для этих старообрядцев места. Каждая сформировавшаяся община стремится к тому, чтобы построить собственную церковь, однако известны случаи, когда под храм перестраивался деревянный жилой дом или в качестве моленной использовалась частная квартира. Поклонные кресты маркируют места, где ранее располагались белокриницкие храмы, построенные в начале XX в., и тасжные скиты, известные со второй половины XIX в., впоследствии разрушенные в 1930-е гг. Сакральность этих объектов определяет, главным образом, принадлежность места «истинной церкви», т. е. собственно старообрядческой белокриницкой. Храм становится едва ли не единственным местом в городских и сельских населенных пунктах, где староверы получают возможность соблюдать все традиции и общаться с одноверцами без вероятных ограничений, связанных с жизнью вне общины, а наличие почитаемых мест создает необходимый контекст воссоздания исторической памяти у данной этноконфессиональной группы. Поэтому подобное выделение «пространства веры» может рассматриваться как один из механизмов построения групповой идентичности белокриницких общин.

Ключевые слова: старообрядчество, белокриницкое согласие, почитаемые места, конструирование сакрального пространства.

Современная религиозная карта Западной Сибири пестрит обилием сакральных точек, принадлежащих различным конфессиям. Данный феномен связан с социально-политическими и культурными изменениями, произошедшими на государственном уровне. В частности, речь идет об утверждении в России законов о веротерпимости в конце XX в. Старообрядчество не осталось в стороне: за последние два десятилетия здесь возникло большое количество почитаемых староверами мест. В данной работе речь пойдет об особенностях модели конст-

руирования сакрального пространства в Западной Сибири современных староверов белокриницкого согласия.

Актуальность настоящего исследования связана с изучением вопросов духовного освоения пространства в рамках традиционной культуры и поддержания групповой идентичности в этноконфессиональных сообществах. Его цель заключается в том, чтобы выделить этнокультурные и конфессиональные особенности конструирования сакрального пространства в традиции современных западносибирских староверов бело-

* Исследование проведено при поддержке РГНФ (проект № 12-01-00199).

криницкого согласия. Объектом изучения являются святы места, а предметом – категория сакрального пространства в культуре старообрядцев. Хронологические рамки исследования ограничены концом XX – началом XXI в. Территориальные рамки включают районы распространения данного согласия в Западной Сибири. Источниками послужили полевые материалы авторов 2010–2013 гг., работавших в составе Сибирского этнографического отряда Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (начальник отряда д-р ист. наук А. Ю. Майничева). Кроме того, привлекались письменные источники – материалы епархиального информационного вестника «Сибирский Старообрядец» 1997–2010 гг.

Представления старообрядцев о сакральном пространстве и практики его устройства уже подвергались специальному изучению. Например, Л. Н. Приль в одной из статей раскрыла сущность понятия святости места в культуре старообрядцев. По ее мнению, оно соотносится с представлением о «чистом», «неоскверненном» месте. Автор отмечает, что «нежелание жить рядом с “нечестивыми”, оскверняющими пространство, приводило к поискам чистых мест» [2000. С. 195]. При этом понятие «чистый» соотносится с понятием «свой», а «нечистый» – «чужой», «еретик». Именно «там, где собрались чистые люди и совсем нет нечестивых», и находится чистое место [Там же. С. 196].

О. Д. Журавель, как и предыдущий автор, говорит о присущей старообрядческим сочинениям теме осквернения воздуха, земли и пр. еретиками [Журавель, 2001; 2011]. Гораздо чаще старообрядческие монастыри и церкви привлекали внимание историков, которые рассматривали данные объекты как центры религиозной, экономической, социальной и политической организации конфессии [Белобородов, 2000; Иванов, 2002; 2004; Куприянова, 2004; Покровский, Зольникова, 2002. С. 426–446; Старухин, 2006а; 2007; 2008; 2012].

Для данного исследования интерес представляют выводы С. А. Белобородова, который связывает рост числа почитаемых старообрядцами Урала мест с процессом разделения и обособления их обществ. Посещение староверами святых мест «способствовало укреплению конфессионального

самосознания, обостряло ощущение организационного единства общества» [2012. С. 28].

Особый подход демонстрирует Е. Е. Дутчак, которая изучает старообрядческие скиты в контексте сохранения и воспроизводства социокультурных традиций. Например, она сообщала, что в 1970-х гг. белокриницкие староверы пытались возродить Ново-Архангельский монастырь в Томской области, но этого не случилось, поскольку им «не удалось найти спрятанные в тайге <...> нематериальные сокровища (книги. – А. М., Д. Р.) монастыря» [2002]. В этнологических и культурологических исследованиях сакрального пространства весьма широко представлен подход, в рамках которого сельские святыни православного населения (т. е. камни, поклонные кресты, священные деревья и рощи, родники с чудотворной водой, пещеры и т. п.) рассматриваются как «особый тип религиозных древностей» [Панченко, 1998. С. 37], поскольку такое святое место «выражает консолидированный православием синтез традиционных верований народа, жившего на определенной территории» [Виноградов, 2004. С. 233]. Исследователи отмечают «обетный» характер обрядов взаимодействия с сельскими святынями, которое представляет собой особый тип коммуникации с сакральным миром во время местных праздников [Панченко, 1998. С. 237–241] или в кризисной ситуации [Щепанская, 1995. С. 110; 2003. С. 295]. Не случайно Г. В. Любимова пишет, что в последнее время подобные святыни стали очень популярны среди православного населения Западной Сибири, поскольку они отражают представления о данных объектах, как о местах, «отмеченных символикой женского исцеляющего и плодородящего начала» [2008. С. 328].

Не остались без внимания исследователей и такие православные святы места, как церкви, часовни, молитвенные дома, престолы с новыми и традиционными посвящениями, чтимые иконы, которые «создавали основу духовной обжитости территории расположения поселений русских» [Майничева, 2005. С. 90]. А. Ю. Майничева предлагает классифицировать православные культовые объекты в Сибири на рукотворные, природные и смешанные. Рукотворные объекты представлены зданиями и сооружениями, т. е. храмами, колокольнями и прочими церковными постройками. Природные – ро-

щами, источниками и пр. Смешанные – природные объекты с творческим вмешательством человека. Как отмечает автор, для «народной» формы православия характерен синкретизм, что оказывает влияние на форму и тип совершения религиозных обрядов [2012. С. 376–377]. В целом, следует отметить, что в современной научной литературе представлен широкий пласт методологических наработок, основанный на изучении богатых полевых и архивных материалов православного славянского населения Русского Севера, Западной Сибири, других регионов России и мира.

Поскольку тема святых мест белокриницких («австрийских») старообрядцев в Западной Сибири осталась практически не раскрытой в историографии, уместно рассказать об истории формирования основных духовных центров согласия. Белокриницкая иерархия начала распространяться в Западной Сибири в 1850–1860 гг. В начале XX в. к согласию принадлежала значительная часть старообрядческого населения региона: в 1912 г. в одной только Томской губернии из 77 официально зарегистрированных старообрядческих общин 45 являлись белокриницкими [Старухин, 1998. С. 295; 2006б. С. 40]. Основная масса «австрийцев» на тот момент проживала в сельской местности. Управление Томско-Алтайской епархией осуществлялось из Томска, где находилась епископская кафедра. На юге (в Барнауле) также сформировался сильный белокриницкий центр, стремившийся оспорить лидерство Томска. Поскольку из 45 западносибирских общин согласия 34 находилось на территории Алтая, то еще в 1913–1914 гг. на епархиальных съездах ставился вопрос о переносе кафедры в Барнаул [Старухин, 1998. С. 295]. В советский период истории сибирского старообрядчества, в результате воздействия антирелигиозной политики государства общее число общин резко снижалось. Сейчас на территории Западной Сибири насчитывается около 15 белокриницких приходов, из которых сельскими являются только пять, т. е. городские общины составляют основу белокриницкого согласия в регионе. Не случайно, что духовенство и активные члены наиболее многочисленных приходов Новосибирска, Томска и Барнаула играют ключевую роль в развитии современной сети почитаемых белокриницкими староверами мест.

Во-первых, священники этих общин приезжали для окормления паствы в те населенные пункты, где духовенство отсутствовало. Они же способствовали окончательной организации местных приходов и поискам подходящих духовников. Во-вторых, поскольку молитвенные здания у них были устроены раньше, чем в других общинах, старообрядцы из разных мест приезжали в эти храмы для молитвы. Тогда же сложились региональные связи, которые сохраняют свое значение до сих пор: барнаульский храм считается центром благочиния для всех алтайских общин, томский – для общин Томской области и Новокузнецка. Новосибирский собор в этой иерархии занимает ключевую позицию, так как епископская кафедра находится сейчас в Новосибирске. В-третьих, появление объектов паломничества белокриницких староверов (памятных мест, поклонных крестов) состоялось во многом благодаря инициативе трех названных выше общин. Однако в процесс активно влились представители других, как сельских, так и городских приходов. Практика паломничества староверов к поклонным крестам, посещение не только храмов своей общины, но и поездки «в гости» на престольные праздники к одноверцам, позволяет говорить о том, что почитаемые в белокриницком согласии места представляют собой единую сеть, а не совокупность разрозненных локусов (ПМА).

Практически у каждой белокриницкой общины имеется своя церковь. Иногда используются жилые дома, переоборудованные под храм – Барнаул, Омск, или же квартиры, в которых устроены моленные – Красноярск (ПМА). Для современных белокриницких староверов церковь становится основным средством консолидации общины в условиях дисперсного проживания их семей, как в городе, так и в сельской местности. Как правило, храм ставят там, где есть свободный участок земли. Часто такие участки жертвуются прихожанами в пользу общины. Строительство церкви позволяет старообрядческой общине обозначить для себя «освященное» пространство, понимаемое как «свое», в пределах пространства «чужого», «внешнего», «мирского». Каждый старообрядческий храм обладает посвящением тому или иному святому. Эти посвящения отражают популярность в старообрядческой среде культов некоторых

святых, поскольку их выбирают сами члены общин на собрании.

В ряде случаев староверы стараются сохранить преемственность с посвящениями, выбор которых состоялся еще до революции, во время первой регистрации общин. Но иногда такой преемственности нет. Например, первый белокриницкий храм в Барнауле, посвященный Воздвижению Креста, был взорван, и община в дальнейшем стала называть себя «Покровской»¹. Большая часть посвящений связана с почитанием Богородицы. Имеются также посвящения таким святым, как Святитель Никола, Георгий Победоносец и др. Кроме того, через наличие в храмах иконописных ликов фиксируется почитание святых, канонизированных непосредственно в Русской православной старообрядческой церкви, проведение посвященных им богослужений (ПМА). Это белокриницкие епископы Арсений Уральский, Тихон Томско-Алтайский и др.

Белокриницкие старообрядцы также активно занимаются поиском так называемых памятных мест, где возводятся поклонные кресты, которые, как правило, становятся объектами паломничества. Большое значение приобрели два объекта, расположенные в районе р. Большая Юкса (Томская область). Со второй половины XIX в. до 1930-х гг. на этих местах стояли Михаило-Архангельский и Ново-Архангельский белокриницкие скиты, представлявшие собой мощные духовные центры согласия, впоследствии разрушенные при советской власти. В 2004 г. здесь были установлены поклонные кресты, и с тех пор ежегодно проводится крестный ход (ПМА). Схожие объекты находятся в Енисейске, где пребывал в заточении более 3 лет протопоп Аввакум [Сафронников, 2009. С. 5], а также в с. Таскино Каратузского района Красноярского края [Скачков, 2010. С. 11] и в районе не существующего сейчас старообрядческого с. Ново-Глушенское в Алтайском крае (ПМА). Примечательно, что практически все (кроме енисейского) указанные выше поклонные кресты были установлены на месте разрушенных белокриницких храмов, а посещение их паломниками сопровождается произнесением текстов-коммеморатов.

Что касается природных объектов, то к ним относится родник, расположенный на

границе сел Залесово и Шмаково Алтайского края, который почитался староверами в XVIII в. По сохранившейся легенде, в его водах видели икону Богородицы. Позже в этой местности поселились новые люди, которые стали стирать в этом ручье белье, тем самым «загрязнив»² его. Поэтому явления иконы прекратились. В Кемеровской области находится источник, чьи «воды вытекают из могил белокриницких монахов» (ПМА). Однако это место не почитается старообрядцами активно, поскольку, по их словам, там есть захоронения не только одноверцев, и «нужно разбираться», действительно ли источник связан с их согласием (ПМА). Кроме того, во время одной из проповедей в Новосибирском кафедральном соборе белокриницкий епископ Силуян упоминал о роднике с целебными водами, который в советское время забил неподалеку от Новосибирска (ПМА).

Как отмечалось выше, в научной литературе объекты паломничества, к которым относят и поклонные кресты, и различные природные объекты, являются важной составной частью народно-православной традиции. Большое значение приобретают целительные свойства подобных объектов, а исполнение обета становится ключевой частью самого паломничества. Однако для белокриницких староверов не характерно паломничество «по обету», а сообщения о чудесах очень редки и связаны обычно со строительством церкви: слышится ангельское пение, виден огненный столб над стройкой (ПМА) или появляются белые голуби [Знаменательное событие, 2003. С. 5]. Почитание же «чудотворных» природных святынь не играет значимой роли в духовной жизни староверов. Такие объекты уместно классифицировать как фольклорные, поскольку у старообрядцев сохранилась только память о почитании таких мест в виде устных преданий, тогда как активно посещаемые места (церкви, поклонные кресты) следует называть актуальными.

Святость места определяет то, что можно назвать «пространством истинной веры», т. е. святое место должно быть каким-то образом связано со старообрядческой церковью, которая мыслится как единственно истинная церковь. В связи с этим практика конструирования сакрального пространства

¹ Т. е. во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

² Имеется в виду ритуальное загрязнение.

может рассматриваться как один из механизмов построения групповой идентичности современных старообрядческих общин. Труднодоступность объекта усиливает степень сакральности пространства. По словам информаторов, «монахи выбрали эти места для жилья (скиты в томской тайге. – А. М., Д. Р.), поскольку они отдалялись от мира, что соответствует древней традиции» (ПМА). Ежедневная дорога к храму также представляет собой испытание, которое необходимо преодолеть – «принести покаяние» (ПМА). Святость места подчеркивается и наличием погребений одноверцев. Например, Томский храм был построен рядом со старообрядческим кладбищем. В Красноярском крае, возле Енисейска, где был установлен посвященный Аввакуму крест, находится «монастырское озеро», куда, как писал белокриничский иерей Анатолий Сафронников, сбрасывали расстрелянных монахов и священников «во времена большевистского безбожия» [2009. С. 5].

Таким образом, полученные в результате полевых исследований материалы показывают, что формирование современной сети почитаемых в белокриничском согласии мест обладает своей спецификой. Двигателем развития этой сети является сознательная деятельность людей, а ее основным элементом выступают рукотворные строения – церковь или поклонный крест. Именно такие объекты становятся актуальными местами религиозного почитания, тогда как почитание природных святынь постепенно превращается в фольклорный сюжет. При этом, выбирая площадку для устройства новой святыни, староверы отдают предпочтение местам, исторически связанным с их церковью – местам «чистым», а значит, святым. Это вполне укладывается в рамки старообрядческой культуры, для которой характерно стремление оградить себя от «обмирщения» – т. е. определенного рода контактов с «внешними», «еретиками». В современных условиях, требующих постоянного взаимодействия с такими людьми – в школе, на работе, в общественном транспорте, в магазине и т. д., необходимо найти те формы организации сакрального пространства, которые бы позволяли максимально дистанцироваться от всего «чужого». В городском или сельском населенном пункте идеальным решением становится

строительство церкви. В этом же ключе среди старообрядцев особое отношение приобретают места расположения разрушенных белокриничских храмов и гибели (или захоронения) одноверцев, желательны удаленные от цивилизации и представляющие собой своего рода места памяти согласия. Такие объекты активно используются как средство построения конфессиональной идентичности старообрядцев и консолидации верующих.

Список литературы

Белобородов С. А. «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (Из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви – белокриничского согласия) // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 136–172.

Белобородов С. А. Религиозно-организационная структура старообрядчества горнозаводского Урала во второй четверти XIX – начале XX века (на основе согласия беглопоповцев / часовенных): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012. 30 с.

Виноградов В. В. Механизмы трансляции сакральной информации (на примере почитаемых мест Северо-Запада России) // Механизм передачи фольклорной традиции. СПб.: Изд-во Рос. ин-та истории искусств, 2004. С. 232–248.

Дутчак Е. Е. Старообрядческая община поселок Гарь: возможности социологического дискурса // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2002. С. 189–198.

Журавель О. Д. К изучению топики старообрядческой культуры: пустыня как Святая Земля // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 3. С. 56–60.

Журавель О. Д. От Святой Земли к «прекрасной пустыне»: к изучению старообрядческой иеротопии // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы V Межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. С. 104–110.

Знаменательное событие // Сибирский старообрядец. 2003. № 14 (35). С. 5.

Иванов К. Ю. Из истории бытования монастырей старообрядцев белокриничского согласия в Томской губернии в конце XIX – начале XX века // Социальное партнерство государства и церкви – объективное условие

стабильности политической системы гражданского общества (Научно-теоретические аспекты государствоведения в свете учения преподобного Серафима Саровского). Курск, 2004. С. 507–514.

Иванов К. Ю. К вопросу о состоянии и перспективах развития современного старообрядчества (на примере Кемеровской области) // Наука и образование: Материалы Всерос. науч. конф. Белово, 2002. Ч. 1. С. 170–175.

Куприянова И. В. Хозяйственно-правовое положение Белорецкого скита // Научные чтения памяти Ю. С. Булыгина: Сб. ст. Барнаул, 2004. С. 119–122.

Любимова Г. В. Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой (на материалах русской земледельческой традиции). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 206 с.

Любимова Г. В. Предания о происхождении святых источников: опыт классификации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2008. Т. 14. С. 326–329.

Майничева А. Ю. Духовная освоенность территории: православные церкви в системе поселений Тобольской губернии к началу XX в. // Освоение Сибири: сохранение и трансформация русской культуры в XVII–XX вв.: Историко-этнографические очерки. Новосибирск: ПреПресс-Студио, 2005. С. 75–90.

Майничева А. Ю. Программа обследования культовых объектов русских в Сибири: зданий, сооружений, мест совершения религиозных обрядов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2012. Т. 18. С. 376–379.

Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998. 307 с.

Приль Л. Н. Староверы: пространство, путь, дорога // Русские старожилы: Материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000. С. 195–197.

Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 469 с.

Сафронников А. Крестный ход в Енисейске // Сибирский старообрядец. 2009. № 1 (50). С. 5–6.

Скачков И. Л. Таскино // Сибирский старообрядец. 2010. № 5 (53). С. 11.

Старухин Н. А. Материалы по истории Кресто-воздвиженской старообрядческой церкви (обзор фонда 135 ЦХАФ АК) // Гуляевские чтения: Материалы первой, второй и третьей историко-архивных конференций. Барнаул, 1998. Вып. 1. С. 292–298.

Старухин Н. А. Белокрыницкие общины Томской губернии: проблемы церковной организации и управления (вторая половина XIX века) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 1 (доп.). С. 113–118.

Старухин Н. А. Раскол Русской православной церкви в XVII в. Старообрядчество: Материалы к спецкурсу. Новосибирск, 2006. 69 с.

Старухин Н. А. Сибирские белокрыницкие скиты в 1870–1890-х гг. по материалам делопроизводства (к проблеме создания скитской организации) // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 275–296.

Старухин Н. А. Источники по скитской организации сибирских белокрыницких общин (1870–1900 гг.) // Общественное сознание и литература России: источники и исследования. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. С. 309–330.

Старухин Н. А. Белокрыницкое согласие Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (этапы формирования и принципы организации): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2012. 24 с.

Щепанская Т. Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: к проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–176.

Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.

A. Yu. Mainicheva, D. S. Rygovskiy

*Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Institute of Archaeology and Ethnography of the SB of the RAS
17 Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

danielrygovsky@mail.ru

SACRED PLACES OF BELOKRINITSKIE OLD BELIEVERS IN WEST SIBERIA

Purpose. In this paper we discuss a model of constructing sacred spaces in West Siberia in traditions of modern Old Believers of the Belokrinitskiye religious group. The purpose of this research is to highlight ethnic, cultural and religious peculiarities of the sacred space in the tradition of the religious group in question.

Results. This work is based on field research held among representatives of several Old Believers' communities in West Siberia. We supposed that different spiritual practices of Old Believers, especially pilgrimage and visiting sacred places, and «alternative church» discourse is essential for this group in order to save identity through different historical periods. The results of our field research show that a modern network of sacred places of Old Believers belonging to the Belokrinitskiye religious group has its own characteristics. Such a network is created by people and it is mainly represented by artificial constructions – churches, crosses, etc. Such objects become actual places of religious worship, while honoring natural shrines gradually turns into folklore. Thus, when choosing a site for establishing a new sanctuary, Old Believers prefer places historically associated with their Church, so-called «pure» or «holy» places. It fits well into the scope of the Old Believers' culture based on protection from «secularism», that is, from certain kinds of contact with «outside people» or «heretics». In modern conditions, which require constant interaction with outsiders at school, at work, in public transport, stores, etc., they need to find such forms of organizing a sacred space which would allow them to distance from the rest of the world. In urban or rural settlements the problem is solved by constructing a church. There is a special attitude among Old Believers concerning locations of previously destroyed Belokrinitskiye temples and burial places of co-religionists, preferably remote from civilization, which represent a kind of memory of the religious group. Such objects are actively used as a means of creating religious identity of Old Believers, serve the purposes of consolidating their communities. Visiting sacred places (usually, burials of martyrs or the ruins of churches demolished in the 1930s by the Soviet power, which are marked by eight-pointed crosses), Siberian Old Believers place special emphasis on the stories connected with the history of those places that usually contaminate with the history of the Old Believers' Church.

Conclusion. The modern Belokrinitskiye religious group in West Siberia is represented by a small number of communities actively implementing various practices of conserving and reproducing their traditions. The latter can be illustrated by the process of forming sacred places. The Old Believers' network of sacred places consists of churches and crosses erected that mark not only some commemorative points, but demonstrate bounds between the «territory of veritable faith» and the «heretical world». Siberian communities of Old Believer follow the traditional view of sacred places, but in the present situation it becomes an additional mechanism for constructing the group identity.

Keywords: Old Belief, Belokrinitskiye religious group, sacred places, network of sacred territories.

References

Beloborodov S. A. «Avstriitsy» na Urale i v Zapadnoi Sibiri (Iz istorii Russkoi Pravoslavnoi Staroobryadcheskoi Tserkvi – belokrinitskogo soglasiya) [«Austrians» in Urals and West Siberia

(from history of Russian Old Believers Orthodox Church – belokrinitskie religious group)]. Ekaterinburg, Ural. Gos. Univ. Publ., 2000, p. 136–172. (in Russ.)

Beloborodov S. A. *Religiozno-organizatsionnaya struktura staroobryadchestva gornozavodskogo Urala vo vtoroi chetverti XIX – nachale XX vv. (na osnove soglasiya beglopopovtsev / chasovennykh) Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk [Religious-organizational structure of Old Believers of mining areas of Urals in the second quarter of XIX – beginning of XX century (based on beglopopovtsy / chasovennye religious group). Cand. histor. sci. diss.]*. Ekaterinburg, 2012, 30 p. (in Russ.)

Vinogradov V. V. *Mekhanizmy translyatsii sacral'noi informatsii (na primere pochitaemykh mest Severo-Zapada Rossii) [Mechanisms of translation of sacral information (on example of revered places of North-West Russia)]. Mekhanizm peredachi fol'klornoi traditsii [Mechanism of transfer of folklore tradition]*, St.-Petersburg, 2004, p. 232–248. (in Russ.)

Dutchak E. E. *Staroobryadcheskaya obshchina v poselke Gar': vozmozhnosti sotsiologicheskogo diskursa [Old Believers' community of Gar': means of sociological discourse]. Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost' [Old Belief: history, culture and modernity]*, Moscow, 2002, p. 189–198. (in Russ.)

Zhuravel O. D. *K izucheniyu topiki staroobryadcheskoi kul'tury: pustynya kak Svyataya Zemlya [Studying topics of the old believers' culture: desert as the Holy Land]. Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*, 2001, no. 3, p. 56–60. (in Russ.)

Zhuravel O. D. *Ot Svyatoi Zemli k «prekrasnoi pustyne»: k izucheniyu staroobryadcheskoi ierotopii [From the Holy Land to the «beautiful desert»: studying old believer's hierotopy]. Sibir' na perekrestke mirovykh religii: materialy V mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Siberia at the crossroads of the world religions: materials of V interregional scientific conference]*, Novosibirsk, 2011, p. 104–110. (in Russ.)

Znamenatel'noe sobytie [A significant event]. *Sibirskii staroobryadets [Siberian old believer]*, 2003, no. 14 (35), p. 5. (in Russ.)

Ivanov K. Yu. *Iz istorii bytovaniya monastyrei staroobryadtsev belokrinitskogo soglasiya v Tomskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [From the history of the existence of the monasteries of belokrinitskie old believers' religious group in Tomsk province in the late XIX – early XX century]. Sotsial'noe partnerstvo gosudarstva i Tserkvi – ob'ektivnoe uslovie stabil'nosti politicheskoi sistemy grazhdanskogo obshchestva (Nauchno-teoreticheskie aspekty gosudarstvennogo vedeniya v svete ucheniya prepodobnogo Serafima Sarovskogo) [Social partnership of Church and state is an objective condition for the stability of the political system of civil society (Scientific-theoretical aspects of politics in the light of the teaching of St. Seraphim of Sarov)]*, Kursk, 2004, p. 507–514. (in Russ.)

Ivanov K. Yu. *K voprosu o sostoyanii i perspektivakh razvitiya sovremennogo staroobryadchestva (na primere Kemerovskoi oblasti). [On conditions and prospects of development of contemporary Old Belief (on example of Kemerovo region)]. Nauka i obrazovanie: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii [Science and education: collected materials of all-Russian scientific conference]*, Belovo, 2002, chast' 1, p. 170–175. (in Russ.)

Kupriyanova I. V. *Khozyaistvenno-pravovoe polozhenie Beloretskogo skita [Economic and legal conditions of Beloretsk skit]. Nauchnye chteniya pamyati Yu. S. Bulygina: sbornik statei [Scientific readings in the memory of Yu. S. Bulygin: collection of articles]*. Barnaul, 2004, p. 119–122. (in Russ.)

Lyubimova G. V. *Ocherki istorii vzaimodeistviya sel'skogo naseleniya s prirodnoi sredoi (na materialakh russkoi zemledel'cheskoi traditsii) [Essays on history of interaction of the rural population of Siberia with the natural environment (on materials of Russian agricultural traditions)]*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2012, 206 p. (in Russ.)

Lyubimova G.V. *Predaniya o proishozhdenii svyatykh istochnikov: opyt klassifikatsii [Legends about origin of holy sources: example of classification]. Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archeology, ethnography, and anthropology of Siberia and neighboring territories]*. 2008, vol. 14, p. 326–329. (in Russ.)

Mainicheva A. Yu. *Dukhovnaya osvoennost' territorii: pravoslavnye tserkvi v sisteme poselenii Tobol'skoi gubernii k nachalu XX veka [Spiritual development of the territory: orthodox churches in system of settlements of Tobol'sk province at the beginning of the XX century]. Osvoenie Sibiri:*

sokhranenie i transformatsiya russkoi kul'tury v XVII–XX veke: Istoriko-etnograficheskie ocherki [Development of Siberia: preservation and transformation of Russian culture in XVII–XX century: Historical and ethnographic essays]. Novosibirsk, Prepress Studio Publ., 2005, p. 75–90. (in Russ.)

Mainicheva A. Yu. Programma obsledovaniya kul'tovykh ob'ektov russkikh v Sibiri: zdaniy, sooruzhenii, mest soversheniya religioznykh obryadov. [The research program for cult objects of Russians in Siberia: buildings, constructions, places for religious ceremonies]. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, and Anthropology of Siberia and neighboring territories]. 2012, vol. 18, p. 376–379. (in Russ.)

Panchenko A. A. *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyni Severo-Zapada Rossii* [Researches of folk Orthodoxy. Village shrines of the North-West of Russia]. St.-Petersburg, Aleteja Publ., 1998, 307 p. (In Russ.)

Pril' L.N. Starovery: prostranstvo, put', doroga [Old Believers: space, path, road]. *Russkie starozhily. Materialy III Sibirskogo Simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri»* [Russian old-timers. Materials of III Siberian Symposium «Cultural heritage of the peoples of Western Siberia»], Tobol'sk, Omsk, 2000. p. 195–197. (in Russ.)

Pokrovskii N. N., Zolnikova N. D. *Starovery-chasovennyye na vostoке Rossii v XVII–XX vv.: problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniya* [Old Believers-«chasovennyye» in the East of Russia in the XVIII–XX centuries: problems of works and public conscience]. Moscow, Pamyatniki ist. mysli. Publ., 2002. 469 p. (in Russ.)

Safronnikov A. Krestnyi khod v Eniseiske [Cross-bearing procession in Yeniseysk]. *Sibirskii staroobryadets* [Siberian Old Believer], 2009, no 1 (50), p. 5–6. (in Russ.)

Skachkov I. L. Taskino [Taskino]. *Sibirskii staroobryadets* [Siberian Old Believer], 2010, no 5 (53), p. 11. (in Russ.)

Starukhin N. A. *Belokrinitskoe soglasie Tomskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (etapy formirovaniya i principy organizatsii): Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk* [Belokrinitskiye religious group of Tomsk province at the second half of XIX – beginning of XX century (the stages of formation and principles of organization): Cand. histor. sci. synopsis diss.]. Novosibirsk, 2012, 24 p. (in Russ.)

Starukhin N. A. Belokrinitskie obshchiny Tomskoi gubernii: problemy tserkovnoi organizatsii i upravleniya (vtoraya polovina XIX veka) [Belokrinitskie communities of Tomsk province: problems of church organization and management (second half of XIX century)]. *Vestnik of Novosibirsk State University Series: History, Philology*. 2006, vol. 5, iss. 1 (add.), p. 113–118. (in Russ.)

Starukhin N. A. Istochniki po skitskoi organizatsii sibirskikh belokrinitskikh obshchin (1870–1900) [Sources on skit organization of Siberian belokrinitskiye communities (1870–1900)]. *Obshchestvennoe soznanie i literatura Rossii: istochnikii issledovaniya* [Public consciousness and literature of Russia: sources and researches]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2008. p. 309–330. (in Russ.)

Starukhin N. A. Materialy po istorii Krestovozdvizhenskoj staroobryadcheskoj obshchiny (obzor fonda 135 TsKhAF AK) [Materials on the history of the Holy cross community of belokrinitskie Old Believers (review of the Fund 135 TsKhAF AK)]. *Gulyaevskie chteniya: materialy pervoi, vtoroi i tret'ei istoriko-arkhivnoi konferentsii* [Gulyaevskie readings: materials of the first, second and third historical-archive of conferences]. Barnaul, 1998, vol. 1. p. 292–298. (in Russ.)

Starukhin N. A. *Raskol Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v XVII v. Staroobryadchestvo. Materialy k spetskursu* [Schism of the Russian Orthodox Church in XVII century. Old Belief. Materials for the course]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2006, 69 p. (in Russ.)

Starukhin N. A. Sibirskie belokrinitskie skity po materialam deloproizvodstv v 1870–1890-kh godakh [Siberian skits of belokrinitskie religious group in 1870–1890's. according to the materials of business correspondence (problem of creation of skit organization)]. *Pamyatniki otechestvennoi knizhnosti* [Monuments of national literacy: new texts, new interpretations], Novosibirsk, SB RAS Publ., 2007, p. 275–296. (in Russ.)

Shchepanskaya T. B. Krizisnaya set': (Traditsii dukhovnogo osvoeniya prostranstva) [Crisis network: (Traditions of spiritual assimilation of spaces)]. *Russkii Sever: K probleme lokal'nykh grupp* [Russian North: problem of local groups]. St.-Petersburg, 1995, p. 110–176. (in Russ.)

Shchepanskaya T. B. *Kul'tura dorogi v russkoi miforitual'noi traditsii XIX–XX vv.* [Culture of roads in the Russian miforitual tradition of XIX–XX centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2003. 528 p. (in Russ.)